

УДК 72.07

Рябов Николай Федорович

старший преподаватель

E-mail: ryabov.kazan@gmail.com

Казанский государственный архитектурно-строительный университет

Адрес организации: 420043, Россия, г. Казань, ул. Зеленая, д. 1

Кугуракова Влада Владимировна

старший преподаватель

E-mail: vlada.kugurakova@gmail.com

Казанский (Приволжский) федеральный университет

Адрес организации: 420008, Россия, г. Казань, ул. Кремлёвская, д. 18

Казань как город-генерик. Опыт чтения архитектурных текстов

Аннотация

Постановка задачи. Авторитетные суждения отечественных и зарубежных исследователей актуальных архитектурных процессов позволяют говорить об особой значимости архитектурных текстов. Задача данной работы – определить соответствие определениям города-генерика (термина, предложенного в работе Р. Колхаса «Город-генерик») значимых процессов, тенденций, объектов архитектуры Казани последних десятилетий.

Результаты. Сравнительный анализ текстов эссе архитектура-универсала Р. Колхаса и специального номера журнала «Проект Россия» (№ 81) выявляет многочисленные сходства в описаниях концептуального города-генерика и реального – современной Казани. Эти совпадения позволяют за образной аналогией «город-генерик» разглядеть симптомы «болезни роста» всякого динамично развивающегося исторического города. Среди них планомерное обновление, обретение городов-спутников, особая роль зеленых зон, высотное строительство, интенсивное развитие туризма, культивирование ложных образов городской памяти.

Выводы. Значимость полученных результатов для архитектуры состоит в актуализации архитектурных текстов; в осмысленном расширении границ архитектурного дискурса Казани. Осознание современной Казани как города-генерика позволяет взглянуть на происходящие архитектурные преобразования, как на значимые выражения изменения идентичности исторического места и его обитателей.

Ключевые слова: Казань, город-генерик, городская идентичность, архитектурный текст, карта чтения.

Введение

Интенсивный рост и переустройство больших российских городов, (столица Татарстана – Казань – один из них), влечет за собой расширение архитектурного дискурса с неизбежным вовлечением в обсуждение актуальной проблематики самых разных участников. Важную роль в этом процессе обретают архитектурные и около-архитектурные (погружение в пространство-время – важная составляющая и художественных описаний, затрагивающих жизнь человека в урбанизированной среде) тексты – своеобразные порталы перевода архитектурной проблематики из пространства морфологического в пространство более гибкое, многоголосое – психологическое.

Преобладание описаний феноменов прошлого в подобных текстах прагматически объяснимо (ориентация на культурное наследие – одна из реальных возможностей социально-экономического подъема без какого-либо вреда для экологической и социальной среды [1, с. 403]), однако малопродуктивно в концептуальном осмыслении большей части происходящих изменений, скорее наоборот. Именно изменения, неосознаваемые в полной мере, объясняют попытки «бегства» в прошлое, которое выступает (в сохранившихся памятниках подлинной старины, ее описательных текстах, старых фотографиях, графических реконструкциях) свидетелем обвинения против настоящего. Философ П. Кузнецов описывает этот феномен с буквально математической точностью: «Едва ли какой-то человек в состоянии выносить реальность – характер

убежища прямо пропорционален невозможности выносить окружающий мир» [2, с. 37]. В этом смысле казанское прошлое (как убежище) уникально.

И все же осознание города, как психологического пространства или надежного «убежища», функционирующего в режиме «здесь и сейчас», а не «здесь, но когда-то», требует поиска «свидетелей» защиты настоящего – проницательных аналитиков, способных как фиксировать происходящие изменения, так и всесторонне толковать их; данная работа – опыт их обретения в расширенных рамках чтения «городского текста» – казанского.

Обзор литературы, затрагивающей специфическую казанскую проблематику

Литератор М.П. Шишкин, помещая действие своего романа «Всех ожидает одна ночь» (1993) в Казань второй четверти XIX века, раскрывает характеры своих персонажей через осмысление самого места их проживания (его историю, пространственно-временные характеристики). Текст романа – пример как многомерного знания казанского места (детально выстроенные маршруты героев, конкретные адреса и ссылки на реальные исторические события), так и формирования убедительных образов нерядового города – Казани (с ее Кремлем, древностями и минаретами она есть татарская Москва и уж верно третий наш город после столиц [3, с. 114]) и его, казалось бы, рядовых жителей.

Один из персонажей романа, доктор Шрайбер, чьи слова и поступки – выражение модели «бегства», описанной нами, (ругал Казань непрестанно, но при этом усердно собирал сведения об ее истории [3, с. 129]), исходя из своих профессиональных интересов, дает нелюбимую оценку одной из городских проблем, определяемой самим расположением поселения: «А главное – вода. Под боком Волга, а этот народ довольствуется Кабаном, куда свозят нечистоты» [3, с. 114]. Проблема эта решается по сей день, Кабан – важный казанский маркер (в том числе и в пространстве памяти, имеющей свою специфическую протяженность). Отставной военный Ситников, отрицая модель «бегства», выражает еще одну проблему, решаемую каждым из жителей исторического города: «Я не понимаю, как древности могут быть важнее настоящего. Камни мертвы. Вам разве не мешает восторгаться памятниками прошлого то, что происходит вокруг них сейчас?» [3, с. 173]. Главный герой – чиновник Ларионов – выразитель хрестоматийного взгляда на Казань, чем особо и интересен («меня оглушил этот пестрый шумный город, смешавший в себе черты Европы и татарщины» [3, с. 110]). После многолетнего отсутствия, обусловленного сюжетом, он возвращается (очевидно, вскоре после казанского пожара 1842 года) в город, ставший для него когда-то родным, и не узнает его. Образное описание неузнаваемого странным образом схоже с реакцией многих на последние изменения Казани, что оправдывает попадание художественного текста в актуальный городской дискурс: «Казань опять целиком сгорела и теперь заново отстраивалась, широко, с размахом, в камне, по-европейски. Город трудно было узнать. Только побродив целый день по улицам, я снова ощутил себя в Казани, этом, все таком же пестром, шумном, разноязычном тарабарском городе, в небе над которым мешаются кресты и полумесяцы» [3, с. 270].

Каждый из упомянутых героев, в чем-то вымышленных, в чем-то имеющих реальных прототипов (так, в Шрайбере угадывается К. Фукс) мог бы стать участником современного обсуждения тех или иных городских проблем, сколь актуальных, столь и вневременных. Так, исследователи современных процессов И.С. Глебова, Я.С. Яснитская, Н.В. Маклакова, рассказывая о масштабном внедрении информационно-коммуникационных технологий в городских системах (управления, контроля, безопасности, оказания услуг), определяют Казань, как пример европейского города, развивающегося, в выражающей дух настоящего времени, концепции smart-city [4, с. 132]. Социологи Казанского федерального университета и Центра перспективных экономических исследований П.О. Ермолаева, Е.П. Демкина, рассматривая различные характеристики Казани в оценке его жителей, говорят об осознании города его сегодняшними жителями как о зонтичном бренде (город спорта, город для молодежи, культурный центр России) [5, с. 121]. Архитектор-исследователь Н. Киносьян, находя в изменениях культурного ландшафта города последних десятилетий отражение новой идентичности (идентичности постсоциалистического города, связанной с идеей национального строительства, новыми интерпретациями прошлого), в качестве показательного примера рассматривает «воскрешение» мечети Кул-Шариф в Казанском

Кремле [6, с. 897] – объекта, устанавливающего все тот же баланс «небесного смещения крестов и полумесяцев» – важной составляющей городской идентичности. Ее коллега, историк архитектуры Н. Халитов, равно как и краевед О. Балтусова, активно отражающие архитектурную проблематику города в своих текстах, достаточно негативно оценивают как сам актуальный архитектурный процесс (культура проектирования в Казани продолжает оставаться на уровне индивидуальных договоренностей с заказчиком и манипулирования общественным мнением [7, с. 43]), так и сопровождающий его дискурс (меня не устраивает уровень современной критики в Казани; в Интернете он хорошо виден; это говорит уже об уровне самих архитекторов, которые не способны воспринять чужие идеи, и «критикуют» на уровне «нравится – не нравится» [8, с. 39]). Оба автора едины в настороженном отношении к появлению сторонних участников городского архитектурного процесса – Н. Халитов: «В Казани историческая среда требует соблюдения масштабности, стиливого соответствия, отсутствия диссонансных решений; к чести наших архитекторов, они это хорошо понимают, а гости вообще не видят, где старые здания, а где новодель» [8, с. 39]; О. Балтусова: «Когда на градостроительные проекты исторических территорий привлекаются модные архитекторы, это, кажется, называется профанация. И такому городу как Казань нужно было бы избегать ее в любых проявлениях; в случае привлечения модного архитектора понятно, что он должен сам для себя четко определить приоритеты, иметь свою творческую позицию и не спекулировать ею» [7, с. 42].

Очевидно, опасения специалистов не беспочвенны (памятен пример так и не реализованного проекта Национальной библиотеки голландца Эрика ван Эгерата), однако порой «свежий» взгляд стороннего наблюдателя, выводящий местные явления и процессы на уровень осознания локального как части глобального, не оценим. Подобное «стороннее» видение просто необходимо для исторического города, стремящегося выйти на новый уровень. Именно так позиционирует себя Казань последних десятилетий: «За короткое время Казань превратилась в город, претендующий на место среди мировых мегаполисов» [9, с. 70]. Очевидно, что термин «превращение», неоднократно используемый авторами специального номера журнала «Проект Россия» («Казань. Татарстан», № 3 (81), 2016), откуда и взято это утверждение, более уместен в тексте сказки, однако, как мы видим, применим и на страницах профессионального архитектурного издания.

Предлагаемые «карта чтения» и ключевые термины

Образное определение «превращение» – возможные инструменты отражения специфической проблематики в тексте о городе, позиционирующем себя как «бренд, абсолютно открытый миру» [9, с. 71]. Очевидно, что открытость эта подразумевает самые разные толкования и даже манеры письма и чтения, если дело касается архитектурных текстов о нем. Значимость таких текстов трудно переоценить, редактор серии «Слова архитектуры» Б. Стил утверждает: «Слова не просто имеют значение, но являются едва ли не высшей формой архитектурной материи» [10, с. 182]. Рассмотреть (и принять как «характер убежища») в Казани «сказку нового тысячелетия» в режиме перекрестного чтения с материалами профессионального издания позволяет эссе другого прославленного голландца, архитектора-универсала Р. Колхаса – «Город-генерик» (1995).

Возможность предлагаемого прочтения (совмещения двух текстов в один смысловой конструкт) утверждает творческая практика сербского писателя М. Павича, экспериментировавшего с формами своих текстов как с пространственно-временными конструктами (идеал для писателя – это книга как дом, в котором можно жить какое-то время [11, с. 104]). Разъясняя понятие «карта чтения», он утверждает: «Надо предоставить читателю самому прокладывать себе путь в романе, стихотворении или рассказе, содержание которых может меняться в зависимости от того какая карта чтения будет выбрана» [11, с. 91]. В используемой нами карте чтения вышеуказанные тексты уподобляются двум параллельным улицам; с каждой из них просматривается другая, возможность перехода с улицы на улицу обеспечивают знаки узнавания (совпадения) описываемых мотиваций, процессов, характерных черт их материально-пространственных воплощений.

Широкая география построек Колхаса, равно как и их самые разнообразные композиционные характеристики и типология определяют значительность его опыта, как практика, так и теоретика. Опыт последнего раскрывается в его текстах, насыщенных

многочисленными метафорами и «открытиями»; один из примеров тому – утверждение: «Архитектура – навязывание миру структур, о которых мир никогда не просил и которые до того существовали лишь в виде облака догадок и предположений в головах их создателей» [12, с. 246]. «Навязанные» им «микроструктуры» двум российским столицам (от эрмитажных пространств до «Гаража» и Третьяковской Галереи на Крымском Валу) демонстрирует интерес архитектора к российской архитектуре, ее образам, проблематике. Сам он признается: «В моей биографии случилась серия событий, в которых Россия сыграла важную роль в моем развитии. Можно сказать, что она во многом определила мое восприятие вещей. Мой отец был писателем. На книжных полках у нас дома были все, переведенные на голландский, книги русских писателей XIX века. С 11 до 15 лет я не занимался вообще ничем, кроме чтения, и прочитал всех русских классиков от начала до конца» [13, с. 3]. Подобная предопределенность в рамках нашего рассмотрения обретает особое значение. Блестящий демонстратор действия универсального художественного сознания, переводящего реальное пространство в ментальное, и наоборот, писатель А.Г. Битов в одном из своих произведений убедительно доказывает взаимосвязь пространства и текста: «Если мысль выражается словами, а между каждым словом, даже каждым звуком, проходит время, то какая же это мысль? Это длина, расстояние, измеренное словом. И до каждого слова свое расстояние» [14, с. 134]. Слово и дело (пространственная форма) в творчестве Колхаса предопределены изначально и одинаково важны.

Текст его «Города-генерика» – всестороннее рассмотрение аналогии «город – лекарственный препарат», указывающее на прямую связь городских преобразований и самосознания его жителей (базовой составляющей психологического пространства). Слово «генерик» используется автором как обозначение дешевой копии популярного лекарства-прототипа, которая начинает выпускаться, как правило, в странах третьего мира, когда истекает срок патента исходного образца. Возможность применения подобной аналогии в отношении к динамично развивающимся историческим городам он объясняет особенностями течения «болезни» такого роста (экспоненциальный рост населения подразумевает, что в какой-то момент прошлое станет слишком «маленьким», чтобы вместить в себя всех живущих [15, с. 18]).

Современные человеческие качества, по его мнению, требуют одновременного роста физической субстанции и изменений, связанных с ней истории, контекста. Обозначая, осознаваемые как ценность, городские историю и контекст идентичностью, он обнаруживает связь: «Чем сильнее идентичность (коллективно разделяемое прошлое), тем больше она сковывает, тем настойчивей сопротивляется расширению, интерпретации, обновлению, противоречию» [15, с. 19]. Стремление к изменению, развитию исторического города не может не повлечь за собой изменения идентичности, стирания границ и ценностных различий исторического центра и периферии (новых территорий). Оскудение привычной идентичности и ее вместилища – исторического центра – в наше время усиливает стремительное нарастание массы туристов, которые в своем безостановочном поиске впечатлений «перемальвают, как селевой поток, все успешные идентичности в бессмысленную пыль» [15, с. 18].

«Идентичность» (места и его обитателей) – понятие, осуществляющее повсеместный перевод всякого архитектурного явления из пространства физического в психологическое и наоборот, достаточно гибкое и многомерное. Так, австралийские исследователи Д. Стивенс и Р. Тивари, обобщая опыт работы в рамках концепции «живого наследия» в историческом индийском поселении Лахну (еще один взгляд извне на концептуализацию места с прошлым в «море» современных практик, где «наследие» переплетается с «идентичностью» и «территорией»), говорят о «ковке» современной идентичности как позитивном процессе, определяемом конкурирующими требованиями (стремлением к удержанию связей с прошлым и одновременно – к экономическому росту, обновлению) [16, с. 105]. Увязывая воедино практики сохранения наследия и формирования сильной коллективной идентичности, они рассматривают их в обязательной связи с тем же туризмом и другими областями общественного развития [16, с. 112]. Схожего представления о неизбежном реформировании идентичности городской среды как динамичном процессе «адекватного отражения возможностей и потребностей своего исторического времени» придерживается и казанский архитектор-

исследователь Г.Н. Айдарова. В ее суждениях о возможных методологических подходах к реконструкции исторического центра современной Казани он связан с вопросами поиска эффективных профессиональных приемов «трансляции в будущее регионально-национальных традиций» силами, как местных, так и приглашенных архитекторов [17, с. 96].

Колхас в своих суждениях о тех же «переплетениях» менее позитивен. Перечисляя привычные реновационные процессы, направленные на «оживление» города с прошлым (рутинная реконструкция жилья под офисы, бывших промышленных зданий под «лофты»; «раскрытие» и реставрация всякого рода посредственных исторических зданий), их итогом он видит полное исчезновение лица (аутентичности) города [15, с. 21]. «Облако догадок и предположений» возможной перемены участи складывается в планомерное, пункт за пунктом, описание града преобразенного – города-генерика.

Казань как город-генерик

Сходство описываемых процессов и черт города-генерика с реалиями казанских метаморфоз, явленных на страницах специального номера журнала «Проект Россия», обескураживающе явствует – он возможен как атопия, стремящаяся к пространственной адаптации в конкретное время в конкретном месте.

Освобождаясь от «смирительной рубашки идентичности» [15, с. 21], город-генерик являет себя:

- через пространственную экспансию и планомерное обновление (если он становится слишком старым, он самоуничтожается и выстраивается заново; если недостаточно вместительным – расширяется [15, с. 21]);

- через новую «цементирующую» составляющую, пришедшую на смену последовательно деградирующей общественной сфере, – сады и парки (растительность превращается в своего рода Райский Остаток, который выступает в качестве главного носителя новой идентичности [15, с. 28]);

- через высотное строительство (город-генерик находится на пути от горизонтали к вертикали [15, с. 29]);

- через выстраивание всевозможных сетей и связей (город-генерик искренне любит все эти архитектурные изобретения: платформы и террасы, мосты туннели, автотрассы [15, с. 32]);

- через обретение городов-спутников (город-генерик окружен созвездием так называемых Новых Городов [15, с. 32]);

- через появление городского района, в котором сохраняется какое-то минимальное прошлое (поспешавшая когда-то избавиться без всякого сожаления от огромной порции наследия, выглядевшего удивительно антисанитарным, даже опасным, машина разрушения останавливается; отдельные случайные лачуги реставрируются, приобретая блеск, которого они никогда прежде не имели [15, с. 36]);

- через интенсивное развитие индустрии туризма (число отелей для приема дополнительных туристов, которые строятся на освобожденных просторах вокруг отреставрированных лачуг, прямо пропорционально стиранию прошлого [15, с. 36]);

- через культивирование ложных образов городской памяти (вместо конкретных аутентичных воспоминаний город-генерик активизирует воспоминания о воспоминаниях, память-генерик [15, с. 37]);

- через выстраивание пограничных зон – «собственного побережья» (здесь город соприкасается с неким иным состоянием ландшафта [15, с. 38]);

- через стилевую бессистемность застройки (архитектура возникает посредством систематической опоры на беспринципность [15, с. 43]).

В итоге своего описания, архитектор заключает: «Город – это плоскость, наиболее эффективным образом заполненная людьми и процессами. А присутствие истории в большинстве случаев только снижает эту эффективность» [15, с. 47].

Трудно не усмотреть в актуальном архитектурном процессе Казани, направленном на «встраивание в мировой контекст» [9, с. 70], его результатах черт универсального города-генерика, описанного Колхасом. Он материализуется в появлении города-спутника в 45 минутах езды от центра Казани – смарт-сити Иннополиса (синтез политики и ландшафта [15, с. 28] – автор идеи создания в окрестностях Казани пункта квалифицированных IT-специалистов – действующий глава РТ); планомерной

реализации программы «превращения» Казани в город-сад (формы все того же синтеза – 2015 год был объявлен в Татарстане Годом парков и скверов; 2016 – Годом водоохранных зон) с активным привлечением к проектированию разнообразных зеленых пространств (новых и исторических скверов, набережных, парков, больничных дворов) студентов-архитекторов, местных, столичных и иностранных специалистов; обращении Кремлевской набережной в место неиссякаемого креатива и преображенной городской идентичности (здесь туристы сбиваются в стаи вокруг импровизированных киосков, а орды «зазывал» стараются продать им «уникальные аспекты города» [15, с. 38]); возведении в исторической и прилегающей к ней частях высотных зданий; принятии постмодернистских дворцов-новоделов, возникших на местах утраченной исторической застройки, профессиональными экспертами (Б. Голдхоорн: «Есть настоящий китч, в лучших своих проявлениях он настолько яркий, что становится нетривиальным. Может быть, он отражает восточность и, таким образом, является знаком идентичности» [18, с. 62]; Н. Халитов: «Именно они и создают своеобразное лицо города, как в свое время «сумасшедшие» произведения Гауди, из-за которых сейчас большинство туристов едут в Барселону [8, с. 39]); встраивании преображенных исторических зон в структуру туристического сервиса и многом другом.

Все это с фотографической точностью фиксирует восемьдесят первый номер журнала «Проект Россия», посвященный архитектуре Казани и Татарстана. Его пять разделов (Градо, Центр, Вода, Жилье, Иннополис) презентуют читателю главные направления текущих и грядущих преобразований. Издатель особо оговаривает причины выхода подобных номеров: «В истории журнала было всего три случая, когда отдельный номер был посвящен целиком одному городу: Нижнему Новгороду (1996), Санкт-Петербургу (2003) и Перми (2010). Города, в которых архитектура и градостроительство развиваются мощно, настоящая редкость в России» [18, с. 61].

Перекрестное чтение эссе Колхаса и текстов специального номера придает последним недостающую концептуальную емкость («Кто все эти архитекторы? Какая здесь архитектурная школа? Как вообще все это удалось сделать? – вопрошает издатель «Проекта России» – Чувствуется какая-то загадочность» [18, с. 63]).

Особый интерес в рамках нашего рассмотрения представляют материалы раздела «Вода» [19], дающие читателю обзор возможных и уже реализуемых проектов по выстраиванию в Казани и других городах республики тех самых «собственных побережий» с активным включением в них «носителей новой идентичности» – садов и парков. Центральное место в разделе занимает представление пяти проектов-победителей объявленного в 2015 году международного конкурса на концепцию развития озер Кабан. Само нахождение озер в городском пространстве определяет, как его уникальность (по данным консорциума «Меганом» и Off-the-grid, из 50 крупных европейских городов с водой лишь в девяти присутствуют именно замкнутые водные пространства [19, с. 109]), так и потенциал развития. Каждый из проектов-призеров – воплощенные в слова и убедительные зрительные образы формы возможного будущего, обретшего свой «Райский Остаток»: объединенные темой детского отдыха восемь станций на воде, которые могут быть реализованы независимо друг от друга (SVESMI, [juurlink\[+\]geluk](#) и другие – 5-е место в итоговом рейтинге); интерпретация архетипов русской и татарской культур, нашедших выражение в линейных очертаниях озерных берегов и создании символического здания национальной библиотеки (Archea Associati, Novikovs Archipractice – 4-е место); семь мостов-связей, обеспечивающих превращение Казани в город-праздник (АБ «Рождественка», Debarre Duplantiers – 3-е место); система озер, как полноценный городской парк, наподобие Центрального парка в Нью-Йорке (Меганом, Off-the-grid – 2-е место); вплетение в ландшафт трех «эластичных лент» – экологической, культурной и низкоскоростного транспорта (Turenscape, MAP architects – 1-е место). Главный архитектор Москвы С. Кузнецов – член жюри конкурса – в описании критерия оценки работ говорит о главенствовании критерия реализуемости идеи, наравне с наличием какой-то изюминки [19, с. 140]. Последних в каждом из упомянутых проектов, объединенных воедино темой утопии отдохновения (в познавательной игре, городском празднике, освоении туристического маршрута), предостаточно: парк «Чертов угол», комплекс малоэтажного жилья «Сад-Аркадия», детский остров «Шатер-гора», фонтан «Глаз дракона» и многое другое. Все они – симптоматичные отражения утверждения

памяти-генерика, набирающей силу.

Проект-победитель (деликатное предложение, подчеркивающее и раскрывающее красоту места без радикальных переделок [19, с. 142]), пройдя необходимые стадии, планомерно реализуется. В июне 2018 года жители города стали свидетелями окончания работ первого этапа – благоустройства набережных Нижнего Кабана.

Параллельно с этим идет работа по переосмыслению и реализации множества других подобных пространств и объектов «Райского Остатка», пример тому – Международный фестиваль «Эко-Берег», прошедший в Казани в октябре 2018 года. Программа фестиваля включала архитектурный конкурс «Активизация городских функций Казани в акватории Волжской излучины». Конкурсантам было предложено творчески осмыслить стратегически важный для города участок прибрежной территории от речного вокзала до Кировского моста. Тексты, сопровождавшие проектные разработки участников из России, Австралии, Англии, Китая, Сербии, Италии, Испании, представленные в ЦСК «Смена», вызвали не меньший интерес, чем графические визуализации.

Так создается интересный феномен: бесконечное отражение реалий и планов переустройства городских пространств делает чтение архитектурных и около-архитектурных текстов, преследующих самые разные цели (хроника, анонс-презентация, анализ, творческое осмысление), не менее увлекательным, чем бытийное проживание происходящих изменений. Он же актуализирует рассматриваемые нами тексты как программные, хранящие в изменяемом времени-пространстве своеобразные эталоны генерик-качества. Даже случайные совпадения постулатов эссе голландского архитектора и материалов специального номера журнала «Проект Россия» кажутся наполненными особым смыслом. Так, Колхас в качестве конкретного примера освобождения исторического города «от смирительной рубашки идентичности» приводит Барселону: «Иногда вполне конкретный старый город заходит настолько далеко в упрощенной своей идентичности, что превращается в город-генерик. Он становится прозрачным, как логотип. Обратный переход никогда не происходит» [15, с. 22]. «Проект Россия» в качестве подтверждения, заявленного издателем постулата: «есть количество, есть качество» [18, с. 62]), презентует жилой комплекс «Барселона» (ASOffice, ПМ «ВЕЛП», 2016), три башни которого (в 14, 18 и 23 этажа), доминируя над окружающей застройкой бывшей Суконной слободы, обозначают в казанском небе некую точку невозврата, логотип обращения города с прошлым в город-генерик.

Заключение

Сталкиваясь, тексты рожают новые смыслы, ассоциации, догадки. Всякое соответствие реалий архитектурных преобразований современной Казани постулатам текста архитектора-мыслителя дает возможность рассматривать изменения (прежде всего – смыслового поля) города в рамках исторически протяженного общемирового культурного диалога, что доказывает – стремление, изжив провинциальность, стать частью общемирового процесса, очевидно, увенчалось успехом. Только какой ценой и к тому ли результату стремились преобразователи тысячелетнего города (смена идентификационных кодов) – вопрос, требующий, пусть и неоднозначных, но ответов. Их получение требует включения в актуальный архитектурный дискурс города новых участников, качественных, проверенных временем концептуальных текстов.

Включение и «растворение» в казанском «городском тексте» эссе прославленного архитектора с обнаружением многих связей-отражений (аналоговых, ассоциативно-образных, буквальных) обогащает психологическое пространство города, определяя в его временном измерении вероятные отношения прошлого и настоящего, желаемого и действительного, подлинного и обманчиво убедительного. Относительная давность написания «Города-генерика» (как и любого другого текста) – не недостаток, а одно из выражений его многомерности и значимости – время в архитектурной практике и теории имеет свое специфическое измерение. Уже цитируемый нами Б. Стил, рассуждая о течении времени в мире, где живет архитектура, призывает к отказу от всякой поспешности суждений и обобщений в актуальном архитектурном дискурсе, «где промедление поставлено вне закона» [10, с. 180]. Очевидно, промедление как проверочное время (отказ от сиюминутной значимости) – качество, необходимое для

определения значимости всякого явления в архитектурном процессе – от текста до исторического градообразования. Соответствие Казани, претерпевшей в последние десятилетия качественные изменения, определениям города-генерика никак не умаляют значимости этих изменений, равно как и стремления его преобразователей вывести город на новый уровень. В нашем случае, описываемый Колхасом феномен можно рассматривать как своеобразный тест на соответствие, прохождение которого позволит по-новому осмыслить происходящие и планируемые архитектурные преобразования.

Многословие преследующих самые разные цели авторов, творящих «казанский текст» (наяву и на бумаге), равно как и крайняя субъективность каждого из описаний-концепций (третьей столицы, смарт-сити, города спорта, города для молодежи, культурного центра России, города-генерика) в рамках расширяющегося смыслового поля интенсивно развивающегося города – не слабость или ущербность настоящего момента, а безусловное благо. Образ города и должен формироваться из множества субъективных представлений, смысловых пересечений, столкновений мнений, а не соответствовать одному тщательно выверенному маршруту, пригодному лишь для удержания собой группы пришлых гостей, боящихся уклониться от утвержденного маршрута и не успеть в нужный час оказаться в точке отправления – здесь и сейчас (и только).

Список библиографических ссылок

1. Safiullin L. N., Gafurov I. R., Shaidullin R. N., Safiullin, N. Z. Socio-economic development of the region and its historical and cultural heritage // *Life Science Journal*. 2014. № 11 (6 Special Issue). P. 400–404.
2. Кузнецов П. Утопия: между Беловодьем и Апокалипсисом // *Сеанс*. 2014. № 59/60. С. 30–37.
3. Шишкин М. П. Всех ожидает одна ночь. Записки Ларионова. М. : ВАГРИУС, 2001. 300 с.
4. Glebova I. S., Yasnitskaya Ya. S., Maklakova N. V. Possibilities of «Smart City» Concept Implementing: Russia's Cities Practice // *Mediterranean Journal of Social Sciences*. 2014. № 12. Vol. 5. P. 129–133.
5. Yermolaeva P. O., Dyomkina E. P. Image of the post-soviet megalopolis in assessment of its inhabitants (case of Kazan, Russia) // *Academy of Marketing Studies Journal*. 2016. Special Issue. Vol. 20. P. 121–129.
6. Kinossian N. Post-Socialist Transition and Remaking the City: Political Construction of Heritage in Tatarstan // *Europe-Asia Studies*. 2012. № 5 (64). P. 879–901.
7. Балтусова О. Уроки Адмиралтейского // *Казань*. 2017. № 2. С. 40–43.
8. Шамсутов Р. Нияз Халитов. Человек-ледокол // *Казань*. 2015. № 12. С. 32–39.
9. Копылова Л. Под влиянием мегапроектов // *Проект Россия*. 2016. № 3 (81). С. 70–75.
10. Айзенман П., Колхас Р. Суперкритика. М. : Strelka Press, 2017. 218 с.
11. Павич М. Биография Белграда: эссе. СПб. : Амфора, 2009. 319 с.
12. Koolhaas R. *Delirious New York: A Retroactive Manifesto for Manhattan*. N-Y. : The Moma-celle Press, 1994. 318 p.
13. Великие архитекторы. Том 43 «Колхас». М. : Комсомольская правда: Директ-Медиа, 2016. 72 с.
14. Битов А. Г. Преподаватель симметрии: роман-эхо. М. : АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2014. 429 с.
15. Колхас Р. Мусорное пространство. М. : ООО «Арт Гид», 2015. 84 с.
16. Stephens J., Tiwari R. Symbolic estates: community identity and empowerment through heritage // *International Journal of Heritage Studies*. 2015. № 1. Vol. 21. P. 99–114.
17. Айдарова Г. Н. Сохраняя наследие, обновлять исторический центр Казани // *Вестник Волжского регионального отделения Российской академии архитектуры и строительных наук*. 2014. № 17. С. 95–100.
18. Голдхоорн Б. Казань. Татарстан // *Проект Россия*. 2016. № 3 (81). С. 61–63.
19. Вода // *Проект Россия*. 2016. № 3 (81). С. 108–178.

Ryabov Nikolay Fedorovich

senior lecturer

E-mail: ryabov.kazan@gmail.com**Kazan State University of Architecture and Engineering**

The organization address: 420043, Russia, Kazan, Zelenaya st., 1

Kugurakova Vlada Vladimirovna

senior lecturer

E-mail: vlada.kugurakova@gmail.com**Kazan (Volga region) Federal University**

The organization address: 420008, Russia, Kazan, Kremlyevskaya st., 18

Kazan as a generic city. Experience in reading architectural texts**Abstract**

Problem statement. Authoritative statements of domestic and foreign researchers of current processes in architecture as well as increasing influence of their articles allow us to conclude the particular significance of texts about architecture. The present work aims to define similarities and match the definitions of the concept of a generic city (as in Rem Koolhaas' «Generic City») with ongoing processes, trends, and significant marks and objects in architecture of Kazan in the beginning of the XXI century.

Results. The comparative analysis of essays by generic architect Rem Koolhaas and the special edition of «Project Russia» magazine (№ 81) revealed multiple coincidence between description and definitions of a concept city and a real one – modern Kazan. This coincidence helps to apply the figurative analogy of a «generic-city» to any historical city growing dynamically and discover symptoms of its «growing pains». Among them are systematic renovation, acquiring satellite cities, significance of green areas and green belt, high-rises, intensive development of tourism, cultivating of false images of a city memory.

Conclusions. The importance of the achieved results for architecture is in bringing back architectural texts to the front end of scientific interest; in comprehensive expansion of architectural discourse in Kazan. Realization of Kazan as a generic city allows to interpret current changes in its architecture as an important and urgent sign of a dramatic shift in identity of a historical place and its inhabitants.

Keywords: Kazan, generic city, urban identity, architectural text, map reading.

References

1. Safiullin L. N., Gafurov I. R., Shaidullin R. N., Safiullin N. Z. Socio-economic development of the region and its historical and cultural heritage // Life Science Journal. 2014. № 11 (6 Special Issue). P. 400–404.
2. Kuznetsov P. Utopia: between Belovodyem and the Apocalypse // Séance. 2014. № 59/60. P. 30–37.
3. Shishkin M. P. Everyone is waiting for one night. Larionov's notes. M. : VAGRIUS, 2001. 300 c.
4. Glebova I. S., Yasnitskaya Ya. S., Maklakova N. V. Possibilities of «Smart City» Concept Implementing: Russia's Cities Practice // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2014. № 12. Vol. 5. P. 129–133.
5. Yermolaeva P. O., Dyomkina E. P. Image of the post-soviet megalopolis in assessment of its inhabitants (case of Kazan, Russia) // Academy of Marketing Studies Journal. 2016. Special Issue. Vol. 20. P. 121–129.
6. Kinossian, N. Post-Socialist Transition and Remaking the City: Political Construction of Heritage in Tatarstan // (2012) Europe-Asia Studies. 2012. № 5 (64). P. 879–901.
7. Baltusova O. Lessons of Admiralteysky // Kazan. 2017. № 2. P. 40–43.
8. Shamsutov R. Niyaz Halitov. Icebreaker man // Kazan. 2015. № 12. P. 32–39.

9. Kopylova L. Under the influence of megaprojects // Project Russia. 2016. № 3 (81). P. 70–75.
10. Eisenman P., Koolhaas R. Supercritical. M. : Strelka Press, 2017. 218 p.
11. Pavich M. Biography of Belgrade: an essay. SPb. : Amfora, 2009. 319 p.
12. Koolhaas R. Delirious New York: A Retroactive Manifesto for Manhattan. N-Y. : The Momacelle Press, 1994. 318 p.
13. Great architects. Volume 43 «Koolhaas». M. : Komsomol'skaya pravda: Direkt-Media, 2016. 72 c.
14. Bitov A. G. Teacher of symmetry: a novel-echo. M. : AST: Redactsiya Eleny Shubinoy, 2014. 429 p.
15. Koolhaas R. Junkspace. M. : ООО «Art Gid», 2015. 84 p.
16. Stephens J., Tiwari R. Symbolic estates: community identity and empowerment through heritage // International Journal of Heritage Studies. 2015. № 1. Vol. 21. P. 99–114.
17. Aidarova G. N. Keeping the heritage, update the historical center of Kazan // Vestnik Volzhskogo regional'nogo otdeleniya Rossijskoj akademii arhitektury i stroitel'nyh nauk. 2014. № 17. P. 95–100.
18. Goldhoorn B. Kazan. Tatarstan // Project Russia. 2016. № 3 (81). P. 61–63.
19. Water // Project Russia. 2016. № 3 (81). P. 108–178.